

В. И. ЛЫТКИН (Москва)

ЛАБИАЛИЗАЦИЯ ГЛАСНЫХ В ПЕРМСКИХ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Мы очень часто наблюдаем в отдельных финно-угорских языках отступления от праязыкового иллабиального гласного вследствие лабиализации его. Примеры:

ф.-у. *kere- 'кора', фин. *keri*, мокш. *кяр* [*kär*], мар. *күр*, удм. *кур*, коми *кор* (< общеперм. *kör-), венг. *kér* и т. д. (В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва 1970, стр. 133; далее — КЭСК);

ф.-у. *para 'хороший', фин. *paras*, эрз. *паро*, мар. *поро*, удм., коми *бур* (КЭСК 42); ф.-у. *kadz- 'оставить', фин. *kadota*, эрз. *кадомс*, мар. *кодаш*, удм. *кыль*-, коми *коль*- (< общеперм. *qɫ-), венг. *hagy*- (КЭСК 131);

ф.-у. *käktä 'два', фин. *kaksi*, эрз. *кавто*, мар. *кок*, удм., коми *кык* (< общеперм. *kük), венг. *kettő* (КЭСК 151);

ф.-у. *para 'хороший', фин. *paras*, эрз. *паро*, мар. *поро*, удм., коми *мус* (< *musk-), венг. *máj* (КЭСК 179) и т. д., см. КЭСК, следующие словарные статьи: *вудж*, *вуж*, *вуджны*, *вурны*, *гöч*, *дудны*, *йöзви*, *корны*, *кос* 'поясница', *котшöс*, *көрны*, *кулöм*, *луд*, *мой*, *морт*, *мош*, *мöдз*, *мурлик*, *муса*, *повны*, *пожöм*, *поз*, *пом*, *пон*, *понöль*, *потш*, *поча*, *пöв* 'половина', *пуджны*, *пудлас*, *рок*, *сёйны*, *сувтны*, *сук*, *сунис*, *топöдны*, *тишупны*, *удны*, *чужны*, *шупавны*, *юкны* и т. д. (до сотни примеров). Много примеров на лабиализацию находим и в марийском языке: *лүмö* 'струп', морд. *лем*; *мүкиш* 'пчела', морд. *мекш*; *мүй* 'мед', морд. *медь*; *вүт* 'вода', морд. *ведь* и т. д. Л. П. Грузов насчитывает до 40 случаев.¹

Из примеров видно, что лабиализация коснулась пермских и марийского языков. Первоначальный гласный (нелабиализованный) хорошо сохранили финский, мордовский и венгерский языки. Каковы же причины такой массовой лабиализации гласных, наблюдаемой главным образом в пермских языках?

2. Выдвинуты разные теории, объясняющие происхождение этого явления. Так, В. Штейниц² связывал появление различных гласных звуков в отдельных финно-угорских языках с чередованием гласных в праязыке: один из праязыковых чередующихся гласных сохранился в одном языке, а другой — в другом. По его мнению, например, в прафинно-

¹ Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола 1965, стр. 129.

² W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Berlin 1964, стр. 14—21.

угорском языке были такие чередующиеся формы, как *para ~ *pora, *raga ~ *riга 'хороший'; из этих пар, скажем, *para* сохранилось в финском, *rogo* — в марийском, а *pur* — в пермских языках. Такое объяснение появления лабиализованных гласных нас не удовлетворяет, поскольку теория чередования гласных, выдвинутая В. Штейнцем, не получила признания.³

Э. Итконен пытается объяснить переход ф.-у. *a в праперм. *u (этот процесс наблюдается в большом количестве слов пермских языков), исходя из системы гласных общепермского языка: «Возникает вопрос — не дало ли сужения *a* и *o* до крайности, т. е. до *u*, то обстоятельство, что в системе гласных наряду с *i* и *ı̇* потребовался узкий гласный заднего ряда». ⁴ Такое объяснение нас не может удовлетворить хотя бы уже потому, что лабиализация проявилась не только в образовании прапермского *u из финно-угорских иллабиальных звуков, но и в образовании других общепермских лабиализованных гласных как верхнего (*u, **ı̇*), так и среднего и нижнего подъема (*ö, *õ, *o, **ȯ*, **õ̇*, *ä, ? *ε^o ⁵). Правда, Э. Итконен в других случаях дает иное объяснение возникновению лабиализованных гласных. В последнее время К. Редей ⁶ выдвинул новую теорию происхождения лабиализованных гласных пермских языков. В позднепермский период в абсолютном конце слова могли стоять следующие гласные: *a, *ε, **ı̇* (после палатальных согласных также *i*), при этом чаще всего встречался *ı̇*. Допермские конечные гласные *a* (*ä*), *e* (*ę*), будучи безударными, перешли в гласные верхнего подъема, а потом подверглись редукции и лабиализовались, т. е. *ı̇*, как и в первом слоге, перешел в *ı̇*. ⁷ Под влиянием этого лабиализованного гласного второго слога гласные первого слога лабиализовались — происходит регрессивная ассимиляция гласных, проявляется действие гармонии гласных горизонтального направления, т. е. приближение гласных друг к другу по степени открытости.

Эта теория имеет слабые стороны. В нашем распоряжении нет никаких данных о том, что в первом слоге прапермского языка были лабиализованные гласные. Гласный *ı̇* второго слога пермских языков не может восходить к лабиализованному *ı̇*, так как в первом слоге таковые не встречаются в тех диалектах (например в вишерском), где имеется в первом слоге гласный *ı̇* — в этих диалектах в первом слоге стоит *i*, но не *ı̇*, восходящий, по мнению К. Редей, к **ı̇*. При слабо выраженном ударении (или вернее, при отсутствии фиксированного лек-

³ Критику этой теории см., например: В. И. Лыткин, К вопросу о вокализме пермских языков. — Труды Института языкознания АН СССР I, Москва 1952, стр. 65—66.

⁴ E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI 1953—1954, стр. 335.

⁵ Раньше общеперм. *ε мы воспроизводили как иллабиальный гласный (см.: В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 153). Но поскольку этот прапермский гласный во всех коми и в части удмуртских диалектов сохранился в виде огубленного *ö* или *ę*, восходящего к огубленному *ö, имеется основание воспроизвести для прапермского языка лабиализованный *ε^o.

⁶ K. Rédei, A permii nyelvek első szótagi magánhangzóinak a történetéhez. — NyK LXX 1968, стр. 41—43.

⁷ К. Редей пишет, что «редуцированные гласные в большинстве языков имеют склонность к лабиализации. Например, в венгерском языке в конце правенгерского периода были два иллабиальных (*i*, *ı̇*) и два лабиальных (*u*, *ü*) гласных, находящихся на грани исчезновения. В ливвиковском диалекте карельского языка из первоначального *a образовался *u*, а из *ä — *ü*» (К. Rédei, указ. раб., стр. 42).

сического ударения) не может быть речи о редукции безударных гласных и последующей лабиализации. Отпадению конечных гласных necessarily должна предшествовать редукция их.⁸

Мы в свое время лабиализацию и связанное с ней сужение гласных пытались объяснить влиянием субстрата. Лабиализация и сужение наблюдаются (хотя и в меньшей мере, чем в пермских языках), как уже отмечено, также в марийском языке. Напрашивается предположение, что лабиализация и сужение гласных были диалектным явлением финно-угорского или финно-пермского языка-основы, обнимавшим ту территорию праязыка, где впоследствии возникли прапермский и прамарийский языки. Не исключена возможность, что явление лабиализации и сужения гласных имеет субстратное происхождение: определенные диалекты финно-угорского праязыка ассимилировали такой язык, где не было, скажем, звука *a*, и часть слов попала под влияние этого языка-субстрата, а другая часть сохранилась в прежнем виде со звуком *a* или была вторично заимствована у соседей.⁹

Влияние языка-субстрата на прамарийцев и прапермлян, занимавших смежную территорию, конечно, было возможно. Однако, очень трудно объяснить, почему в одних словах наблюдается лабиализация, а в других ее нет. Надо искать какое-то иное объяснение.

3. В процессе изучения большого количества фактического материала по пермским и марийскому языкам выяснилось, что лабиализация иллабиальных финно-угорских гласных первого слога обычно отмечается в сочетании с губными согласными *m*, *v*, *p*, а также *s*, *ś* (> мар. *š*), *š*, *č*, *k*; эти последние (*s*, *ś*, *š*, *č* и *k*) в древности, по-видимому, характеризовались большей лабиализацией, чем в настоящее время. Данные согласные оказывали лабиализирующее влияние на соседние гласные марийского и пермских языков, в других же финно-угорских языках (главным образом в мордовских, финском и венгерском) сохранились иллабиальные гласные. Приведем примеры.

а) В сочетании с согласным *m* (примеры взяты из КЭСК, по пермским и волжским языкам они переведены на финно-угорскую транскрипцию):

домар.-доперм. *maksa, удм., коми *mus* (< общеперм. **musk-*) 'печень', мар. *tokš*, мокш. *maksa*, фин. *maksa*;

домар.-доперм. *māye, удм., коми *tu* 'земля', мар. *mü*, фин. *maa*;

домар.-доперм. **mekš(e)*, удм. *muš*, коми *muš*, *moš* 'пчела' (< общеперм. *mōš), мар. *mükš*, морд. *mekš*, фин. *mehiläinen*, венг. *méh*;

домар.-доперм. **mete-*, удм. *tu*, коми *ta* (< общеперм. *mā) 'мед', мар. *mü*, *müj*, морд. *mäd*, *med*, фин. *mete-*, венг. *méz*.

Лабиализация только в пермских: доперм. **menz-*, коми *mup-* 'идти', мар. *mijaš*, фин. *mennä*, венг. *menni* и т. д.; лабиализация только в марийском: домар. **nime-* 'имя', удм., коми *ñim*, мар. *lüm*, мокш. *lem*, фин. *nimi*.

В нашем распоряжении 15 пермских примеров на лабиализацию гласных под влиянием соседнего согласного *m*, а именно (приводим только коми слова): *dud-* (< доперм. *tamtə) 'упрямиться', коми *lud* (< доперм. *lamte) 'луг', *musk-* 'печень', *musa* 'милый', *murlik* 'вершок', *ud-* (< доперм. **amta-*) 'дать пить', удм. *ib-* (< общеперм. *ub-* < доперм. **amp-*) 'стрелять', *mēž* (< общеперм. *mōž) 'икра', *mīn-* (< общеперм. **mūn-*) 'освободиться', *mīl* (< общеперм. **mül-*) 'настроение',

⁸ В. И. Лыткин, Проблема лексического ударения в финно-угорских языках. — ALHung. XX 1970, стр. 245—263.

⁹ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, стр. 219, 220.

miŋ- 'идти', *mi* 'земля', *ma* (< общеперм. *mā) 'мед', *mort* 'человек', *moš* 'пчела'.

б) В соседстве с согласным *v* (ф.-у. *v):

домар.-доперм. **warkz-*, удм., коми *vur-* 'шить', венг. *varr-*;

домар.-доперм. **wete-*, удм. *vu*, коми *va* (< общеперм. *vā) 'вода', мар. *wüt*, фин. *vete-*;

домар.-доперм. **wančz-*, удм. *viži*, коми *viž* (< общеперм. *vižz) 'корень', мар. *wož*, марГ *waž*, ненец. *waany*;

домар.-доперм. *wšdš, удм. *val*, коми *vel-* (< общеперм. *vól) 'лошадь', мар. *wülö*, эрз. *vedrekš*, эст. *vedis*.

В некоторых случаях в марийском и пермских языках согласный *w* выпал, но лабиализованность гласного, возникшая под его влиянием, сохранилась, например: ф.-у. *kiwe, удм. *ke* (< *kō) 'жернов', но коми *-ki*: *iz-ki* 'жернов (букв.: мелющий камень)', мар. *kü* 'камень', морд. *kev*, фин. *kivi*; ф.-у. **lewe-*, коми *lij-* (< **līj-*) 'стрелять', мар. *lija-š*, фин. *lyödä*, венг. *lő* ~ *lövök*.

Лабиализация только в пермских языках: доперм. **wanče-*, удм. *viž*, коми *viž* (< общеперм. *vižz) 'лук, смычок', фин. *vante-*; доперм. **wajz-*, удм. *viij-*, коми *vej-* (< общеперм. **vōj-*) 'тонуть', морд. *vajams*, фин. *vajota*; доперм. **wara-*, удм. *vir* 'возвышенность', коми *ver* 'лес' (< общеперм. *vōr), фин. *vaara*; доперм. *wartz, удм. *vur-*, коми *var-* (< общеперм. **vār-*) 'бить', фин. *varta*; доперм. **waškz-*, коми *veše* (< *vē^oš-*) 'дорогой', мар. *waštār*, фин. *vaski*, коми *vomiž* 'сглаз', венг. *imád-* (< *vimád).

Лабиализация только в марийском: домар. **wire-* или **were-*, удм., коми *vir* 'кровь', мар. *wür*, эрз. *čer*, фин. *veri*; домар. **wedä-*, мар. *wüde-*, *wide-* 'вести', эрз. *veda-*, фин. *vetä-* (В. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm 1960, стр. 82) и т. д.

По пермским языкам мы имеем до 15 случаев лабиализации под влиянием соседнего *w*. Кроме приведенных примеров, следующие: коми *vižz-* 'перейти' (доперм. **wanča-*), коми *veliš* (< общеперм. **vē^oliš*, ф.-у. *wälz) 'только что'; коми *šoj* (< общеперм. **šōj-*, ф.-у. **sewe-*) 'есть, кушать'; коми *tj* (< *tū, доперм. **tāwe-*) 'легкие' и т. д.

в) Лабиализация финно-угорских гласных под влиянием соседнего согласного *p*:

домар.-доперм. **para-*, коми, удм. *bur* 'хороший', мар. *poro*, эрз. *paro*, фин. *paras*;

домар.-доперм. **penžä-*, коми *požem*, удм. *pužim* (< общеперм. *požem) 'сосна', мар. *pü-nvžo*, *pändžə*, морд. *pitše*, фин. *petäjä*;

домар.-доперм. **pesä-*, удм. *puz*, коми *poz* (< общеперм. *poz) 'гнездо; яйцо', мар. *pəžäš*, диал. *pužaš* (E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI 1953—1954, стр. 170), мокш. *pižä*, фин. *pesä*, венг. *fészek*;

домар.-доперм. **pandz-*, коми *pud-* 'куст', мар. *po-ndə*, марГ *pandə* (в горномарийском сохранился иллабиальный гласный).

В некоторых марийских и пермских словах произошло выпадение *-p-*, но лабиализация, возникшая под его влиянием, сохранилась, например: домар.-доперм. *sepä, удм. *šil*, коми *šj-l-i* (< общеперм. **sü-*) 'шея', мар.

šü, šüi, морд. *šíve*, фин. *sepä*; домар.-доперм. *repä-s, коми *ruč* 'лиса', мар. *rəwəž*, диал. *rüβü-ž*, эрз. *rives*, фин. *repo*, венг. *ravas*; домар.-доперм. **kəps-*, удм., коми *gi* (< общеперм. *gü*) 'волна', мар. *ko*, вепс. *kobe*.

Лабиализация только в пермских языках (в марийском языке или сохранился праязыковый иллабиальный гласный, или соответствующего примера нет в нашем распоряжении):

доперм. **pälä-*, удм. *pal*, коми *pəl-* (< общеперм. *pöl) 'половина', мар. *pele*, мокш. *pələ*, венг. *fél*;

доперм. **pänš-*, удм. *pumel*, коми *ponel* (< общеперм. *pönel) 'просль', мар. *piñ*, венг. *fenyő*;

доперм. **pančz-*, удм. *pižalti-*, коми *pi^o* 'засучить', мокш. *panžəms*;

доперм. **pänz-*, удм. *pim*, коми *pot* (< общеперм. *pöŋ) 'конец', эрз. *pä*, *pe*, фин. *pää*, венг. *fej*;

доперм. *päkkä, коми *pek* (< *pök) 'икра', мокш. *pəkə*, фин. *päkkä*;

доперм. **pene-*, удм. *piñi-*, коми *pon* (< общеперм. *pöni) 'собака', мар. *pi*, *pij*, морд. *piñe*, фин. *peni*;

доперм. **piča-* < **peča-*, удм. *pič*, коми *poč* (< общеперм. *pöč) 'жердь', фин. *piha*;

доперм. **čarз-*, удм., коми *čur-* 'рубить (сруб)', морд. *tšaroms*;

доперм. **šarз-*, удм., коми *šupal-* 'сохнуть', венг. *arad-*;

доперм. *räppä, удм. *žopi*, коми *repəd* (< общеперм. **röp-*) 'дымовое отверстие', фин. *räppänä*;

доперм. **pana-*, удм. *pon-*, коми *pen-* (< общеперм. *pön) 'обуть, надеть; обдуть', фин. *panna*;

доперм. *perä, удм. *ber*, коми *ber* (< общеперм. **bε^or*) 'зад', фин. *perä*;

доперм. *pelme, удм. *peñ*, коми *peim* (< общеперм. **pε^ojm-*) 'зола', фин. *pelme*;

доперм. **peje-*, удм., коми *pi-* 'варить', морд. *pidems*;

доперм. *leppä или *läppä, удм. *lup*, коми *lop* (< общеперм. *löp) 'селезенка', мар. *lep*, венг. *lép*;

доперм. **lapsz-*, удм. *lgs*, коми *lgsk-* (< общеперм. **lз^osk-* или **lōsk-*) 'чердак', мар. *lepš*, мокш. *lavks*.

Лабиализация только в марийском языке:

домар. *piñe, удм., коми *piñ* 'зуб', мар. *püj*, морд. *pəñ*, *pəj*, фин. *pii*;

домар. **pščkz-*, удм. *pašru* 'орешник', коми диал. *pačkan* 'шиповник', мар. *püčš* 'орех', морд. *pəšče*, фин. *pähkinä*;

домар. **pätk-*, мар. *püčk-* 'резать', морд. *pətsk-*, фин. *pätkiä*;

домар. **ipsz-*, коми *is*, мар. *üps* 'запах', мокш. *opana*.

Всего в пермских языках примеров на лабиализацию гласных под влиянием *p* насчитывается более 20.

4. г) Лабиализация гласных под влиянием соседних *s, ś* (> мар. *š*), *š, č*. О лабиализующем влиянии «новообразованного» мар. *š* (< ф.-у. **s, ś*) говорит Л. П. Грузов¹¹, предполагая, что этот согласный «в древности характеризовался большей лабиализацией, чем это наблюдается в настоящее время; соответствующее его огубляющее воздействие нужно считать вполне закономерным». Это же, по-видимому, можно сказать и о согласных *s, ś, č*, а также о *k* и *l* (см. ниже). Примеры:

¹¹ Л. П. Грузов, Историческая фонетика марийского языка, Йошкар-Ола 1970, стр. 124.

домар.-доперм. *šata, удм. šu, коми šo (< общеперм. šo), мар. šüdö, мокш. šada, фин. sata, венг. száz;

домар.-доперм. *saŋe-, удм., коми su- 'догнать', мар. šoam, šuam, эрз. sams, фин. saada;

домар.-доперм. *šarva-, удм., коми šur 'рог', мар. šur, фин. sarvi, саам. čoar've, венг. szarv;

домар.-доперм. *salkz-, удм., коми sul- 'стоять', мар. šalyaš, диал. šoly-, венг. állni;

домар.-доперм. *sete-, удм. zu, коми za (< общеперм. *zâ) 'ось, стель', мар. šüðer;

домар.-доперм. *sete-, удм. su, коми sa (< общеперм. *sâ) 'сажа', мар. šüč, морд. sod;

домар.-доперм. *kašz-, удм. kužim, коми kožin 'подарок', мар. kuzək, морд. kazhe;

домар.-доперм. *ačksl > *ašksl, коми voškov 'шаг', мар. oškäl, марГ aškäl, мокш. aškolks, фин. askele;

домар.-доперм. *čače-, удм. čiči, коми čuž- (< общеперм. *čuž-) 'родиться', мар. šočaš, эрз. tšatšoms, фин. sato;

домар.-доперм. *čečä-, удм. čuž-murt, коми čož (< общеперм. čož) 'дядя', мар. čüčü, эрз. tšitše, фин. setä;

домар.-доперм. *sakkz, коми suk 'густой', мар. šuko, фин. sakea.

Лабиялизация только в пермских языках:

доперм. *šärs- или *šers-, удм. šur, коми šor (< общеперм. *šor) 'речка', венг. ér;

доперм. *šäntz-, коми šobdi (< общеперм. *šōdsg) 'пшеница', хант. tānt;

доперм. *šäj-, коми šejtni (< *šōjt-) 'бродить', мокш. sejams;

доперм. *jäsз-, удм. joz-vi, коми jez-vi (< общеперм. jōz-) 'сустав', мар. jəžəŋ, эрз. ezhe, фин. jäsen;

доперм. *särз-, удм. vir-ser, коми vir-ser (< общеперм. *se°r) 'жила, вена', мар. šer, марГ šär, венг. ér;

доперм. *säksš-, удм. ses, коми seš (< общеперм. *se°sk-) 'поганный, нечистый', мар. šakše, эрз. seks, саам. sākse;

доперм. *säŋä, коми siŋed < *sūned 'воздух', фин. sää;

доперм. *säŋä, коми suŋis 'нитки', фин. sää;

доперм. šäktz-, коми šektalni (< *še°ktalni) 'плести';

доперм. *säre, коми ser- (< общеперм. *se°r-) 'затвердевать', венг. érní;

доперм. *šäŋkz, удм. šekit, коми šekid (< общеперм. *še°kit) 'тяжелый';

доперм. *čänčä, удм. čež, коми čež 'утка' (< общеперм. *če°ž);

доперм. *šappz-, коми šupal- 'подсхннуть', венг. arad;

доперм. *ačka-, удм., коми učis 'хомут, сверток', эрз. aško.

Лабиялизация наблюдается только в марийском языке: домар. *šermš-, мар. šörmäč 'узда', коми šermed; мар. šülö 'еж', фин. sili; мар. nüštalaš 'сморкаться', фин. niistää; мар. moštaš 'уметь', морд. maštoms, фин. mahtaa; мар. to-štä 'старый', морд. tašto-; мар. šüšta, диал. šä-šta 'ремень, кожа', фин. hihna, саам. säs'te; авест. zaranya-, мар. šörtñö 'золото' и т. д.

На данный вид лабиялизации в пермских языках мы имеем до 25 примеров.

5. д) Лабиализация гласных под влиянием соседнего согласного *k*.

домар.-доперм. **kara-*, удм., коми *kj̄r-* (< общеперм. **kür-*) 'обваливаться', мар. *koraš*, морд. *karams*;

домар.-доперм. *käktä, удм., коми *kj̄k* (< общеперм. *kük) 'два', мар. *kok*, мокш. *kafta*, фин. *kaksi*, венг. *kettő*;

домар.-доперм. **kere-*, удм. *kur*, коми *kor* (< общеперм. *kör*) 'кожура', мар. *kür*, мокш. *kär*, фин. *keri*;

домар.-доперм. **kađэ-*, удм. *kił-*, коми *kol-* (< общеперм. **köl-*) 'оставлять', мар. *kodaš*, эрз. *kadoms*, фин. *kadota*, венг. *hagy*;

домар.-доперм. **akta-*, коми *okt-* (< *okt-*) 'поставить силок', мар. *oktəš*, мокш. *aftoms*, фин. *ahtaa*;

домар.-доперм. **kačэ-*, удм. *kuč-*: *kuč kulak*, коми *kuž*: *vev kuž* (< общеперм. *kuž) 'щавель', мар. *kaška*, *koska*.

Лабиализация произошла только в пермских языках:

доперм. **kär-* или **ker-*, удм. *kert-*, коми *kert-* (< общеперм. **ke°rt-*) 'связать', мар. *kerəš*, мокш. *kärks*;

доперм. **kärкэ-*, удм., коми *kj̄r* (< *kür) 'дятел', мар. *kergə*, фин. *kärki*;

доперм. **kēle-*, удм., коми *kj̄l-* (< *kül) 'язык', мар. *kəl*, эрз. *kel*, фин. *kieli*;

доперм. *kalim, коми *kulgm* 'сеть', фин. *kalime-*;

доперм. **jaka-*, коми *juk-* 'делить', фин. *jakaa*;

доперм. *kalэ, удм. *kel-*, коми-перм. *kel*: *voj-kel* (< общеперм. **köl-*) 'спать', венг. *hál*;

доперм. **kärэ-*, удм. *korel*, коми *ker* (< общеперм. *kör) 'вкус', фин. *käry*;

доперм. **kärэ-*, удм. *koros*, коми *keriš* (< общеперм. **kör-*) 'оболочка, опалубка', фин. *kääre*;

доперм. *kapčэ, коми *geč* (< *göč) 'хрящ', фин. *käpsä*, люд. *käptšg*;

доперм. **kants-*, коми *gid* 'мотня' (< общеперм. *güd), ? фин. *kanta*;

доперм. *take, удм., коми *dugdini* (< общеперм. **dug-*) 'перестать', фин. *tauota*;

доперм. **kaδ-*, удм. *kud*, коми *kad* (< общеперм. *kād*) 'топь, болото' (-*d* — суффикс), мар. *kel*, венг. *halap*;

доперм. **läkte-*, удм. *likt-*, коми *lokt-* (< общеперм. **lokt-*) 'прибыть', марГ *läktaš*, мар. *lektaš*, фин. *lähteä*;

доперм. **kšmэ-*, удм. *gumi*, коми *gum* (< общеперм. *gšm) 'полюй стбель', фин. *käämi*;

доперм. **kštэ-*, удм. *kut*, коми *kot* (< общеперм. *kot) 'обувь', фин. *ketto*;

доперм. **keske-*, удм. *kus*, коми *kosk-* (< общеперм. **kösk-*) 'поясница', морд. *keskä*, фин. *keski*;

доперм. *kerо, коми *gorš* 'горло', фин. *kerо*;

доперм. **kerjä-*, удм. *kur-*, коми *kor* (< общеперм. *kör-*) 'просить', фин. *kerjätä*, венг. *kér-*;

доперм. **kałkke-*, удм. бес. *kelək*, коми *kolk* (< общеперм. *kolk*) 'яйцо', кар. *kalkku*;

доперм. **kač-*, коми *kočes* < *köčes 'запах горелого', мокш. *kašam*, фин. *katku*;

доперм. **le(γä)* >? **le(kä)*, удм. *lu-*, коми *lo-* (< общеперм. **lɔ-*) 'быть', мар. *lijaš*, фин. *lie-*, венг. *lev-*.

Лабиялизация только в марийском:

домар. **käs-*, удм. *kos-*, коми *kesjed-* (< общеперм. *kes) 'велеть', мар. *küštaš*, фин. *käskeä*;

домар. **kaj-*, коми *kaj-* 'подниматься', мар. *kojaš*, *kajaš*, эрз. *kajems*;

домар. **kač-*, коми *kač*: *kač pomel* 'можжевеловый', мар. *gož*: *lüme gož* (*lüme* 'клей'), ? фин. *kataja*.

В пермских языках на лабиализацию гласного под влиянием согласного *k* — 20 примеров.

6. Другие случаи лабиализации гласных.

Отдельные подобные случаи наблюдаются в соседстве с *l* и некоторыми другими согласными; это мы видим в основном в пермских языках, в марийском только в двух словах: домар.-доперм. *terä и *ortä, например:

доперм. *nēre, удм., коми *nir* (< *nür) 'нос', мар. *ner*; эрз. *ñer*;

домар.-доперм. *terä, удм. *dur*, коми *dor* (< общеперм. *dɔr) 'край', мар. *tür*, фин. *terä*;

домар.-доперм. **ertä-*, удм. *urd-*, коми *ord* (< общеперм. *ɔrd) 'бок', мар. *ördež*, саамН *ærtte*;

доперм. **čajärz-* > *čäär, коми *čer* (< общеперм. *čɛr) 'голень', мокш. *šajär*, фин. *sääri*, венг. *szár*;

доперм. *ala, удм., коми *ul-* 'низ', морд. *al-*, фин. *ala*, венг. *al-*;

доперм. **tälä-*, удм. *tol*, коми *tɛl* (< общеперм. *töl) 'зима', мар. *tel*, мокш. *talä*, фин. *talvi*, венг. *tél*;

доперм. **älš-*, коми *el-ož* (< общеперм. **öl-*) 'подол', мар. *elte*, мокш. *äl*;

доперм. *nelä или *neljä*, удм. *ñil*, коми *ñol* (< общеперм. **ñöl-*) 'четыре', мар. *ñal*, эрз. *ñile*, фин. *neljä*;

доперм. **ñele-*, удм., коми *ñil-* (< общеперм. **ñül-*) 'глотать', мар. *ñelaš*, *ñilems*, фин. *niele-*;

доперм. **elä-*, удм. *ul-*, коми *ol-* (< общеперм. **öl-*) 'жить', мар. *əlem*, *ile-m*, фин. *elää*, венг. *élni*.

Из приведенных примеров видно, что согласный *l* занимает весьма заметное место в лексике пермских языков с огубленными гласными (6 примеров).

Мы здесь рассмотрели свыше ста примеров из пермских языков, лабиализацию гласных в которых объясняем влиянием соседних согласных: *p* (22), *m* (15), *k* (30), *w* (12), *s* (*š*, *š*, *č*) (22), прочие (10). Из этих слов лабиализация распространяется и на марийский язык в 40 случаях. Кроме того, приведены слова, в которых огубление гласных произошло только в марийском языке (19 слов).

В число рассмотренных примеров не входят чувашские заимствования, о них ниже.

Разумеется, наш материал не является исчерпывающим; это особенно касается марийского языка. Но этот материал весьма ясно указывает на то, что лабиализация гласных первого слога носила массовый характер и проходила под влиянием определенных соседних согласных. Возникают вопросы: 1) в какой исторический период протекал этот процесс и 2) какие слова им охвачены.

7. Когда происходила лабиализация гласных? Лабиализацию иллабиальных гласных первого слога мы наблюдаем почти исключительно в марийском и пермских языках. В мордовских, прибалтийско-финских и венгерском обычно сохранились финно-угорские неогубленные гласные. На этом основании Л. П. Грузов делает вывод: «Явление лабиализации в древнемарийском языке началось в позднейший период, когда были забыты связи с мордовским языком... Появившись в древнюю эпоху, оно действовало относительно долго. По крайней мере, в период и после марийско-чувашского языкового взаимодействия лабиализация была почти во всех чувашских заимствованиях при благоприятных условиях *и*, или *ë*, *ä* > *ÿ*... В горном наречии лабиализация, по видимому, утрачивается несколько раньше, чем в других диалектах».¹²

Лабиализация гласных в пермских языках восходит к раннеобщепермскому периоду, а, может быть, даже к допермскому, поскольку этот процесс охватил и марийский язык, представляя собой диалектное явление пермско-финского праязыка (охватил он языки, распространенные на северо-востоке территории). Не исключена возможность, что лабиализация протекала в процессе контактирования прапермян с пра-марийцами.

Лабиализацию пережили также многие индоиранские заимствования. В индоиранских заимствованиях, попавших еще в финно-угорский праязык (фин. *sata*, мар. *šüdü*, коми *šo*, удм. *šu* 'сто'; фин. *sarvi*, удм., коми *šur* 'рог'), лабиализация проходила в общем порядке. В более поздних иранских заимствованиях, встречающихся только в волжских и пермских языках, часто наблюдается также огубление, например: удм. *kort*, коми *kert* (< общеперм. *kört), мар. *kürtñö* 'железо', ср. авест. *karëta*, осет. *kard*; коми *verk* (< *vörk) 'почки', мар. *werge*, марГ *wärgê*, ср. санскр. *vrkka-*, авест. *vərəðk* (в марийском языке здесь не произошло лабиализации).

Лабиализация в пермских языках наблюдается и в следующих индоиранских заимствованиях: удм., коми *šurs* 'тысяча', ср. древнеинд. *sahāśra*; удм. *uzir*, коми *ozir* 'богатый', морд. *azor*, ср. древнеинд. *āsuras*; коми *zon* 'сын, парень', ср. осет. *zänäg*, древнеинд. *jan-*; удм., коми *purt* 'нож', ср. осет. *faradž*; удм. *bun*, коми *bon* 'мочала', ср. авест. *banda*; удм. *tuštj*, коми *tašmi* (< общеперм. *tāšti) 'миска, столовая чашка', ср. надпись *tašti* (= *tašti*) на серебряном блюде II—III вв. до н. э., хранящемся в Оренбургском краеведческом музее¹³, удм. *egir*, коми *egir* (< общеперм. **ε°gir*) 'уголь', ср. древнеинд. *aṅgāra*; удм. *durj*, коми *dar* (< общеперм. *dār) 'разливательная ложка', ср. санскр. *darvi-*.

В этих словах лабиализация наблюдается в том случае, если гласный соседствует с согласными *v*, *p*, *b*, *s* (*z*), *š*, *k* (*g*). Однако далеко не всегда в индоиранских заимствованиях происходит лабиализация гласных, например: удм., коми *das* 'десять', удм., коми *zarñi* 'золото', удм., коми *ñañ* 'хлеб', коми *ñameđ* 'портянка', удм. *majjg*, коми *majeg* 'кол', удм. *andan*, коми *jemdon* 'сталь' (< общеперм. *andan), этимологии см. в КЭСК. Некоторые из этих заимствований, вероятно, являются более поздними и относятся к тому времени, когда процесс огубления гласных уже прекратился, а в других заимствованиях иллабиальный гласный

¹² Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, стр. 130.

¹³ См. подробно об этом: С. А. Попов, Тайны пятимаров, Челябинск 1971, стр. 50.

сохранился под влиянием соседних мягких сонорных согласных (*ń* и *j*, см. ниже), или вообще не было условий для лабиализации (*andan*, *ńań*).

Аналогичное явление встречается в чувашских заимствованиях, проникших еще в общепермский язык. В следующих древнечувашских заимствованиях мы наблюдаем лабиализацию гласного первого слога: удм. *gubi*, коми *gob* (< общеперм. *gõbš*) 'гриб' < древнечув., ср. чув. *kãma*; удм., коми *kušman* 'редька', ср. чув. *kãшман*; удм. *kun*, коми *kan* (XVIII в.) (< общеперм. **kãn*) 'царь', древнечув. *хан*; удм. *kulto*, коми *kolta* (< общеперм. **kõlta*) 'сноп' < древнечув., чув. *kẽлте* и т. д. Однако в ряде чувашских заимствований иллабиальный гласный сохранился, хотя он стоял в фонетическом положении, аналогичном вышеприведенному, например: удм. *bat*, коми *ban* 'лицо' < древнечув. **bañ*; удм., коми-перм. *kab* 'лодочка', ср. совр. чув. *kan*; коми *karta* 'хлев', ср. совр. чув. *карта* и т. д.

В прибалтийско-финских и древнерусских заимствованиях, встречающихся в коми-зырянских диалектах и относящихся примерно к XI—XIV вв. н. э., лабиализация гласных первого слога уже не наблюдается, ср. кар. *kalla* > коми *kalla* 'квас', вепс. *kaś* > коми *kaś* 'кошка', вепс. *raba* > коми *rab* 'барда' и т. д.; древнерус. *чмш* > коми *чаś*, древнерус. *лядьвья* (И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка I, Санктпетербург 1893) > коми *ladvej* 'ляшка' и др.

Таким образом, переход иллабиальных гласных первого слога в лабиальные имел место в период начиная с допермского и домарийского времени и кончая примерно X в. н. э. Возможно, эта лабиализация была диалектным явлением финско-пермского языка-основы; впоследствии, после обособления общемарийского и общепермского языков, огубление гласных продолжалось в праязыках этих двух ветвей и особенно большие размеры приняло в пермских языках.

8. Какой круг слов охватил процесс лабиализации? Как бы широким не был этот процесс, все же он охватил далеко не все слова. Мы имеем довольно много слов, сохранивших иллабиальный гласный. Таковы, например, следующие (мы приводим примеры только на ф.-у. **a*, **ä* и **e*).

На ф.-у. **a* (**ä*):

домар.-доперм. **ale-* или **äle-*, фин. *äly* 'ум, разум', коми *al* (КЭСК 30);

домар.-доперм. **ačэ*, эст. *aas* 'луг', коми *ačэ*, венг. *aszó* (КЭСК 30);

домар.-доперм. **ajэ-*, фин. *äijä* 'старик', саам. *ag'gja*, удм. *aji*, коми *aj* (КЭСК 31);

домар.-доперм. **aňэ-*, эрз. *aňa*: *ňizaňa* 'теща', удм. *aňj*, коми *aň*, венг. *anya* (КЭСК 32);

домар.-доперм. **arwa*, эрз. *aršems* 'мыслить', коми *art*, венг. *ar* (КЭСК 34);

домар.-доперм. **raje-*, фин. *raju* 'ива', удм., коми *bad*, венг. *řagyal* (КЭСК 35);

иран. **zar* > коми *zar-gum* 'дудка';

иран. *zarni* > общеперм. **zarni* 'золото';

доперм. **parč* > общеперм. **parč* 'короста';

домар.-доперм. *pađtэ* (*đ* > *j*), коми *bajdeg* 'куропатка', венг. *paid*, манс. *palta* (КЭСК 36);

домар.-доперм. **warkэ-*, мокш. *varga* 'черт', удм. *vargas*, коми *varges* (КЭСК 47);

- домар.-доперм. *waršš, мар. *vara-š*, марГ *vä-raš* 'ястреб', удм., коми *varjś* (КЭСК 47);
- домар.-доперм. **wačk-*, морд. *vačkodems* 'ударить', саам. *váškuđ*, коми *vačkj-* (КЭСК 48);
- домар.-доперм. **kačz-*, саам. *kaścēm*, удм., коми *gač-* 'навзничь', венг. *has* (КЭСК 75);
- домар.-доперм. **kač-*, фин. *katsoa* 'смотреть', саамН *gæččât*, коми *kažavnj* (КЭСК 114);
- домар.-доперм. **pala-*, фин. *pala*, морд. *pal*, мар. *puldoš*, удм. *pales* 'часть', коми *pal-* 'кусок', венг. *falás* (КЭСК 215);
- домар.-доперм. *pala, коми *палял-*, манс. *pāl-* 'озябнуть', венг. *jagy* (КЭСК 215);
- домар.-доперм. **pača-*, фин. *paaha* 'нехороший', удм., коми *pašminj* 'захиреть' (КЭСК 217);
- домар.-доперм. *račz, коми *raž* 'решетка', венг. *racs* (КЭСК 238);
- домар.-доперм. *račz, общеперм. *raž 'развязать';
- домар.-доперм. **sarta-*, мокш. *сарда* 'заноза', саам. *sarde*, коми *sartas* (КЭСК 250);
- домар.-доперм. *talz-*, фин. *tallata* 'топтать', мокш. *talams*, коми *talavnj* (КЭСК 278);
- домар.-доперм. *tarz, мокш. *targams*, мар. *ta-raš*, удм. *tarkanj* 'разрушить', коми *targajinj* 'транжирить' (КЭСК 278);
- домар.-доперм. **čaηz-* или **čäηz-*, мокш. *säv*, саам. *čaηa*, удм. *čag* 'лучина', коми *čag* 'щепка' (КЭСК 300);
- домар.-доперм. **čappz-*, эрз. *čarams*, вепс. *čapta* 'бить', мар. *čар*, коми *čаркинj*, венг. *csap-* (КЭСК 302);
- домар.-доперм. **čarz-*, саам. *čærggot* 'гремять', эрз. *čар* 'удар грома', удм. *čар* 'треск (разрываемой материи)', коми *čardbi* 'молния' (КЭСК 302);
- домар.-доперм. **wäpsz-*, мар. *wapš*, *wäpš* 'сеть', коми *vez*.
- На ф.-у. *e:
- домар.-доперм. **ečtš-* или **eštš-*, фин. *ehitiä*, мар. *äštaš*, коми *eštinj* 'успеть, иметь досуг';
- домар.-доперм. **peksä-*, фин. *piestä*, удм. *posinj*, коми *pesnj* (< общеперм. **pes-*) 'мять, бить';
- домар.-доперм. *pelja, морд. *pile*, мар. *päläš*, коми, удм. *pel* 'ухо';
- домар.-доперм. **veñe-*, эрз. *veñe-*, фин. *venyä*, удм. *voñal* 'жила', коми *veñavnj* 'обвиснуть' (< общеперм. **veñ-*);
- домар.-доперм. *šeñčemä, морд. *šisem*, фин. *seitsemän*, мар. *šiši-m*, *šäm*, удм. *šizim*, коми *šizim*;
- домар.-доперм. *säčnä, фин. *hähnä*, мар. *šište*, удм., коми *šiz* 'дятел';
- домар.-доперм. **wek-*, венг. *vékony*, удм. *vekči*, коми *veknj* 'тонкий'.

Причины сохранения иллабиальных гласных не совсем ясны. Иногда мы не видим лабиализации даже там, где имеются все условия для нее. «Это объясняется, видимо, в отдельных случаях специфическим качеством гласного или же палатализованностью последующего согласного». ¹⁴

¹⁴ Л. П. Грузов, Историческая фонетика марийского языка, стр. 125.

Действительно, мы встречаем в приведенных примерах 16 случаев, когда в соседстве с гласным первого слога находятся палатальные сонорные (*l, j, ñ*) и аффриката (*ç*). Вероятно, эти согласные оказывали тормозящее влияние на процесс лабиализации.

Нужно заметить, что слов, восходящих к допермскому времени и сохранивших иллабиальные гласные **a, *e*, значительно меньше, чем слов, подвергшихся лабиализации: мы перечислили свыше 100 примеров на огубленные гласные и 30 на сохранившие ф.-у. **a, *e*.

Здесь рассмотрены только два финно-угорских иллабиальных гласных (**a, *e*). Финно-угорский иллабиальный гласный **i* в пермских языках почти не подвергся лабиализации. Например, в следующих словах он сохранился как нелабиализованный гласный: коми *ñin* 'лыко, мочало', доперм. **ñine*; коми *ñim* 'имя', доперм. **ñime-*, коми *piñ* 'зуб', доперм. **piñe*; коми *piv* 'туча, облако', доперм. **pilwe*; коми *pemid* 'темный', доперм. **pime-*; коми *sit* 'кал', фин. *sitta*; коми *šin* 'глаз', доперм. **silmä*; коми *čirk* 'кузнечик', фин. *sirkka*; коми *vit* 'пять', доперм. **witte-* или **wite-*; коми *viž* 'зеленый', доперм. **wiš-* и т. д. (Этимологии см. в КЭСК). Отсутствие лабиализации ф.-у. **i*, по-видимому, объясняется тем, что в пермских языках нет соответствующего узкого переднерядного лабиализованного гласного, который мог бы заменить ф.-у. **i*. В марийском языке, где имеется *ü*, ф.-у. **i* часто лабиализовался — особенно, если этот гласный находился в соседстве с губными согласными, ср.: *lüm* 'имя', *kü* 'камень', *wür* 'кровь', *püj* 'зуб', *üps* 'запах'.

Мы здесь рассмотрели вопрос о лабиализации гласных первого слога, наблюдаемой в марийском и пермских языках. Отдельные случаи огубления гласных под влиянием соседних согласных встречаются также в других финно-угорских языках, ср. ф.-у. **kiwe-* > венг. *kő* ~ *köve-*, манс. *kū* 'камень'; ф.-у. **peljä* > венг. *jül* 'ухо'; ф.-у. **witte-* или **wite-* > венг. *öt* 'пять'; ф.-у. **piñe* > венг. *fog*, манс. *puñk* 'зуб' и т. д.

В заключение хотелось высказать некоторые соображения относительно причин лабиализации гласных. Лабиализация гласных под влиянием губных согласных (*m, p, v, b*) вполне понятна. Но не совсем ясно, почему влияли на иллабиальный гласный звук такие негубные согласные, как *š, k, l, r*? В связи с этим возникает вопрос: нельзя ли рассмотренное нами явление увязать с аналогичным явлением древнерусского языка? Известно, что в древнерусском языке гласный *e* перешел в *o* в положении перед твердым согласным (*несѣ* > *нѣс*, *селѣ* > *сѣл*), но перед мягким согласным он сохранился без изменения (*сельский*, *день*). Русисты это объясняют тем, что все твердые согласные были лабиализованными: «Еще в доисторическое время в языке восточных славян и отчасти и других славян возникло лабиализованное произношение твердых согласных звуков, . . . стали произносить *л'эд'ѣ*, *с'эл'ѣ*, *н'эс'ѣ* и пр. . . В некоторых севернорусских говорах такое произношение твердых согласных сохранялось до недавнего времени».¹⁵

Может быть, так же обстояло дело в прамарийском и прапермском языках, т. е. твердые согласные в отличие от мягких тоже были огубленными и оказали лабиализующее влияние на предшествующие гласные? А что касается согласных (например, *m, v, p, b*), предшествующих гласному, то их лабиализующее воздействие на гласные следует считать побочным, дополнительным.

¹⁵ П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, Москва 1952, стр. 84.

Фактический материал, приведенный нами выше, как будто не противоречит этому положению: дано там около ста примеров на лабиализацию гласных, стоящих перед твердым согласным, и более двух десятков слов на отсутствие лабиализации гласных, стоящих перед мягким согласным (правда, имеются в отдельных случаях отступления от этой закономерности, но их сравнительно немного).

Напрашивается предположение, что лабиализованные твердые согласные составляли определенный ареал, охватывавший северо-восток великорусской территории и район расселения прамарийцев и прапермян. Впоследствии огубленные твердые согласные утратили свою лабиализованность на территории как севернорусских, так и марийских и пермских диалектов.

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ УДМУРТСКИХ СЛОВ

V. I. LYTĶIN (Moskau)

DIE LABIALISIERUNG DER VOKALE IM MARISCHEN UND IN DEN PERMISCHEN SPRACHEN

Wir treffen im Marischen und in den permischen Sprachen oft labiale Vokale statt illabialer Vokale der finnisch-ugrischen Ursprache an. Die illabialen Vokale der Ursprache erhielten sich gut in den mordwinischen und ostseefinnischen Sprachen und im Ungarischen, z. B.: fiugr. *para 'gut', ers. *paro*, finn. *paras*, mar. *poro*, udm. und komi *bur*; fiugr. *maksä 'Leber', ers. *makso*, finn. *maksä*, ung. *máj*, mar. *mošš*, udm. und komi *mus* usw.

Die Labialisierung der Vokale im Marischen und in den permischen Sprachen geschah durch Einwirkung der benachbarten Konsonanten (*m, v, p; s, š, š; č, k*). Die Labialisierung vollzog sich in der marischen und permischen Ursprache.

Wir haben aber auch Wörter, in denen wir die illabialen Vokale sehen können, z. B.: fiugr. *ańz, mord. *ańa*, udm. *ańi*, komi *ań* 'Weib'; fiugr. *paje-, finn. *paju*, udm. und komi *bad* 'Weide' usw. Die Palatalkonsonanten (*j, ł, ŋ, č*) und einige andere Laute verhinderten wahrscheinlich die Labialisierung der illabialen Vokale.

Вопрос о лабиализации гласных в татарском языке сближен с чувашским или дренибулгарским воздействием (Р. Ахметьянов, Этимологические основы лексика татарского языка, Казань 1970, стр. 40); ср. чув. *ларан* 'прожорливый, жадный'. Но фонетически уdm. *баран* тяготеет к татарскому.

тубмы 'подняться, взобраться, залезть': суртш *ылаз тубмы* 'подняться на гору', *кылаз ылаз тубмы* 'залезть на вершину берега'; *лэ лттылэ тэше* (Munkacsy 381) *дым* 'поднимается до неба'. Ст. ономы 190-образная производная: *тубы* 'лестница', *тубон* 'подъем, восхождение'. И. Будевц это слово сравнивал с *туб* *тарош* 'торчать, торчать, попирать, вагати, толкати, трыбавати', хант. *tuva*, *tuva* 'копыто' мар. *тоак*, *таня* 'толкати, потытати, утытати' (J. Budenz, Magyar nyelvészeti közlönyök azót, Budapest 1873—1881, стр. 179—180). Однако позднее эта этимологическая связь лингвистами не была принята. Венг. *тараш* 'лопате обжиганы, на яши взгляд, стали сопоставлять с фин. *taras* 'указывать, криво, ломать', *taras* 'драться, сражаться, биться', коми *тубымы* 'хлопать, поддоминать, отлучить, слани!' *тубы*. В это этимологическое гнездо уdm. *тубмы* не включается (G. Vátsy, Magyar nyelvészeti közlöny, Budapest 1941, стр. 301; SKES IV 1229—1230). Г. Баран (G. Vátsy, Magyar nyelvészeti közlöny) и В. И. Лыткин (В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1961, стр. 166) с на-

¹ Баран — обратил внимание на доре-азовские Анон Уайкович, известный своим жестокостью.